

Содержание

Введение

Несколько слов о гармонии экономики и эстетики

11

Глава первая

“Не счесть жемчужин в море полуденном”

Экономический трактат “Тысяча и одна ночь”

23

Глава вторая

“Я в плен попал, и в рабство продан был...”

Работорговля в мировой литературе

37

Глава третья

“Хлопок правит миром”

Рабовладение и плантационное хозяйство в США XIX века

55

Глава четвертая

**“Когда муж умирает, жене положено
освободить родовое поместье”**

Майорат в европейской литературе XIX века

71

Глава пятая

“Тюльпаны прекраснее всех цветов...”

“Голландская болезнь”

в романе Александра Дюма “Черный тюльпан”

85

Глава шестая

**“С билетами всегда вы налегке,
они удобней денег в кошельке”**

Одна из первых попыток выпуска бумажных денег
в трагедии Гёте “Фауст” и “Персидских письмах” Монтескье

103

Глава седьмая

**“Весь мир станет одной большой семьей,
будет говорить на одном языке
и верить в единого бога”**

Железнодорожная лихорадка

в английской литературе середины XIX века

121

Глава восьмая

**“Можно будет наживать
миллиарды и миллиарды...”**

Анатомия финансового пузыря

в романе Эмиля Золя “Деньги”

135

Глава девятая

**“Золото кормит, золото поит,
золото нагишом водит”**

Кто озолотился на золотых лихорадках?

151

Глава десятая

**“На наличные деньги он берет
рубль двадцать пять копеек, в долг —
три рубля и целковый”**

Ростовщики и их процентная ставка
в мировой литературе

167

Глава одиннадцатая

От суммы и от тюрьмы...

Банкротство и долговая тюрьма
в русской и английской литературе XIX века

191

Глава двенадцатая

**“Из всех земных благ есть только одно,
достаточно надежное, чтобы стоило
человеку гнаться за ним. Это... золото”**

Ростовщики, жмоты, транжиры и долговая тюрьма у Бальзака

209

Глава тринадцатая

**“Занятое либо проиграно, проезжено,
прожито, проедено, пропито, про...
или раздарено, потеряно в огне или воде”**

Гибель “дворянских гнезд” в русской литературе XIX века

227

Глава четырнадцатая

**“Закон — что конь:
куда надо — туда и вороти его”**

Коррупция в русской литературе XIX века

243

Глава пятнадцатая

**“Он считал недопустимым красть лишь
в том случае, если подобный акт стяжания
или наживы так и назывался — кражей”**

Биография крупного американского дельца
в романе “Финансист” Теодора Драйзера

259

Глава шестнадцатая

**“И каждый раз вы находите
новый выводок инвесторов...”**

Эптон Синклер в романе “Дельцы”
про обман миноритарных акционеров

273

Глава семнадцатая

**“Умную гориллу можно
было бы натренировать...”**

Автоматизация производства
и внедрение конвейера в литературе начала XX века

291

Глава восемнадцатая

“Радио вместо фисгармонии”

“Ревущие двадцатые”
в английской и американской литературе

309

Глава девятнадцатая

“Счастье всегда нас ждет только завтра...”

Великая экономическая депрессия в творчестве Хораса Маккоя,

Эрскина Колдуэлла и Джона Стейнбека

323

Глава двадцатая

**“Около двух с половиной кило
бумажных денег”**

Гиперинфляция в Германии и Австрии

глазами Ремарка, Цвейга и Канетти

345

Глава двадцать первая

**“И по Москве вскоре загудел слух,
что Чичиков — триллионщик”**

Натуральный обмен и гиперинфляция

в РСФСР в советской литературе

367

Глава двадцать вторая

“Жил на свете частник бедный...”

Атмосфера нэпа в советской литературе

383

Введение

Несколько слов о гармонии экономики и эстетики

Порой в романе можно обнаружить такое потрясающее описание экономических реалий и процессов, какого не встретишь и в научном тексте. Художественно-экономические книги — назовем их так — я бы поделила на три разряда. Первый — это книги-аллегии, в которых современный читатель без специальных знаний экономическое содержание никогда не выцепит, если ему не подсказать. Например, “Путешествия Гулливера” (1726–1727) — это рассказ о Войне за испанское наследство между Англией и Испанией в начале XVIII века.

А, скажем, “Удивительный волшебник из страны Оз” Фрэнка Баума (1900), тот самый, что переписан в виде “Волшебника Изумрудного города” нашим Александром Волковым, представляет собой спор в аллегорической форме о том, какой денежный стандарт лучше: золотой или двойной, когда обращаются и золото, и серебро, — последний еще называют биметаллическим. Во второй половине XIX века американский доллар обеспечивался только золотом, что делало его очень сильным. Упрощенно говоря, укрепляющаяся валюта выгодна кредиторам, так как кредит не обесценивается, но не выгодна заемщикам, так как занятое отдавать тяжело. “Народные”

политики (тогда в США существовала Народная партия) ратовали за переход с золотого стандарта на двойной. Под дополнительное серебряное обеспечение предлагалось эмитировать новые бумажные деньги. Доллар бы чуть-чуть ослаб, но не обесценился резко, а фермерам — основным заемщикам в стране — стало бы легче.

Небогатый южанин Баум выразил эту идеологию в книге “Удивительный волшебник из страны Оз”, которая писалась как детская сказка, но была наспигована прозрачными для того времени намеками, понятными, правда, только взрослым. Желтая дорога — это золотое обеспечение доллара. Изумрудный город (зеленый, цвета купюры) — собственно деньги, способные реализовать любые мечты. Глупый Страшила — простодушные фермеры; Железный Дровосек, не имеющий сердца, — города с их промышленностью; Трусливый Лев — вожди Народной партии; маленький народец жевуны — несчастный рабочий класс; злая колдунья — олицетворение корыстных интересов бизнеса; а всемогущий волшебник, он же великий обманщик, — это президент США.

Потом выясняется, что Страшила отнюдь не дурак, Дровосек умеет любить, а Лев храбр как лев. И Изумрудный город — доллар — совсем не волшебен, это люди сами его таким считают, разглядывая сквозь зеленые очки. А городом заправляет не всемогущий волшебник, а обычный человек, но, поскольку от него ждут чудес, он вынужден надувать щеки и делать загадочные движения руками. Чтобы исправить положение, автор предлагает ввести в обращение серебро, которое зашифровано в сказке как серебряные башмачки¹.

На практике идея двойного стандарта не была реализована, но доллар удалось все же несколько ослабить. Приток в казну

¹ Эти сведения приведены, например, в книге: ВЕЗЕРФОРД Д. *История денег. Борьба за деньги от песчаника до киберпространства*. М.: Терра — Книжный клуб, 2001.

желтого металла с вновь открытых месторождений золота в Калифорнии и на Аляске позволил нарастить обеспеченную им денежную массу. Экономическое содержание сказки вскоре забылось, и в первой голливудской экранизации Дороти (у Волкова — Элли) носит уже рубиновые башмачки, ибо фильм был цветной и режиссер решил, что рубиновые будут эффектнее. И лишь доллар по-прежнему зеленый, хотя очки, приукрашивающие действительность, теперь называют розовыми.

Второй тип художественно-экономических текстов — когда автор стремится донести до читателя свои социальные взгляды, никак их не маскируя, а излагая в лоб, без трудночитаемых аллегорий, хотя действие книги может происходить и в вымышленном мире. Типичными примерами книг, где излагаются социальные воззрения, являются, например, утопии XVI–XVII веков: “Утопия” англичанина Томаса Мора (по заглавию этой книги стал называться и сам жанр) и “Город Солнца” итальянца Томмазо Кампанеллы.

Что-то похожее попытался сотворить и советский детский писатель Николай Носов в своей политизированной сказке “Незнайка на Луне” (1965). Мир земных коротышек, где родился Незнайка, — положительных героев, которые, видимо, скоро будут жить при коммунизме, — списан с города Солнца Кампанеллы. У Носова один из земных городов даже назван Солнечным. На Луне (населенной, естественно, лунными коротышками), куда судьба забрасывает Незнайку, — классический мир товарно-денежных отношений, узаконенная частная собственность и свобода предпринимательства, а мерило ценности человека — его капитал. “Образ врага” подан гротескно.

Но книжка не так проста, как кажется на первый взгляд. Среди земных коротышек, у которых нет материальных сти-

мулов к труду, полно тунеядцев: Пончик, Гунька, да и сам Незнайка, а лидер коротышек Знайка явно страдает диктаторскими замашками. Лунные коротышки — трудяги, ибо им есть к чему стремиться. В довершение всего победа коммунизма над капитализмом достигается только фантастическим путем, при помощи использования “новых технологий”: земным коротышкам удастся разрешить проблему редкости экономических благ за счет резкого увеличения производительности всех отраслей промышленности в результате использования невесомости и внедрения в агротехнику гигантских земных растений. Было ли это намеком на то, что “победа по очкам” невозможна?

Из этой же серии роман французских писателей Веркора и Коронеля “Квота, или Сторонники изобилия” (1966). В книге в сатирическом ключе обыгрывается кейнсианский метод повышения благосостояния народа за счет стимулирования спроса и критикуется общество потребления. В Тагуальпу — “небольшую североамериканскую республику, лежащую между Соединенными Штатами и Мексикой”, прибывает мастер продаж Квота. Его методы продаж внедряются повсюду, затем додумываются до того, чтобы увязывать зарплату рабочих и сотрудников с тем, сколько товара они покупают, в результате общество начинает жить гораздо богаче. Только нужно ли это богатство, если у рабочих теперь по несколько телевизоров и машин? Внезапно оно утомляет людей, начинают гоняться за старыми, более добротными вещами, “к которым привязывались, как к доброму коню или верному слуге”, и эта мода распространяется с быстротой эпидемии гриппа. Цены на старые автомобили достигают фантастических высот. Такое поведение потребителя — подрыв благосостояния, а власти о нем пекутся: “Были изданы строгие законы, чтобы в корне пресечь эту опасную моду. Для нарушителей устанавливалась возрастающая шкала наказания, начиная с небольшого штрафа и кончая

заключением в тюрьмах для рецидивистов, а для упорных спекулянтов — даже каторжные работы”. Грань между экономическим принуждением и тоталитаризмом тонка.

В предисловии к роману авторы рассказывают историю его создания. Замысел пришел к одному из них в 1939 году. Коронель, работая в крупной фирме в США, узнает о новом методе продажи автомашин: самого нерешительного покупателя чуть ли не с помощью гипноза заставляли сделать покупку. Уже после войны по заказу нью-йоркского издателя Веркор и Коронель пишут роман: издатель уверяет, что “такой роман жизненно необходим американскому читателю”.

И наконец, третий тип книг с экономическим содержанием. Это собственно художественные произведения, а не закамуфлированные трактаты. Просто их авторы умеют наблюдать экономическую жизнь общества, ухватывают финансовые коллизии и наделены даром отразить это в художественном тексте, да так, что порой и у экономистов лучших описаний существа дела не найдешь. А еще экономическими бывают сказки!

В эссе “Библиотека всемирной литературы” (1927) великий немецкий писатель Герман Гессе писал о том, что бы он подумал о владельце “идеальной” библиотеки, в которой по два романа Бальзака и Диккенса, если бы такового встретил: “Довольно неплохое собрание, сплошь проверенные вещи, но разве нет у владельца никаких увлечений, предпочтений, пристрастий, разве в сердце его нет ничего, кроме нескольких книг по истории литературы? Если у него, к примеру, есть лишь по два романа Диккенса или Бальзака, то, значит, ему их навязали. Если бы он выбирал действительно лично и свободно, то он или любил бы обоих авторов и имел бы как можно больше книг того и другого, или предпочел бы одного из них,

куда бы больше, к примеру, любил милого, доброго, прелестного Диккенса, чем грубоватого Бальзака, или, напротив, любил бы Бальзака, хотел бы иметь все его книги и выбросил бы из библиотеки слишком сентиментальные, слишком добродетельные, слишком обывательские книги Диккенса”.

Как экономист я отношусь как раз к первому разряду людей — люблю того и другого, ибо оба они прекрасно описывают экономические явления. И об их текстах мы здесь и будем говорить подробно.

Еще Шекспир предупреждал, что для притока денег в страну надобно иметь благоприятный климат — инвестиционный, конечно же. Эптон Синклер разложил по полочкам способы обмана миноритарных акционеров начала XX века, с успехом используемые и в наше время. Теодор Драйзер рассказал, как на связях с государственными органами делаются олигархические состояния. Петр Боборыкин увидел и представил в романе “Китай-город” зарождавшийся в конце XIX века слой “новых русских” практически в малиновых пиджаках. Островский живописал последствия жизни в кредит, а Чехов в “Вишневом саде” и вовсе показал подноготную современного ипотечного кризиса.

В некоторых книгах можно найти лишь отдельные приметы экономики описанного времени, но и они крайне ценны. “Крестьяне забросили плуги, оделись в шелка, их прежде мозолистые руки стали мягкими”, — пишет Сервантес в “Дон Кихоте” (1613). Это отражение “ресурсного проклятия”, обрушившегося на Испанию после завоевания Латинской Америки в 1520–1530-х годах. На страну посыпался золотой и серебряный дождь: в XVI веке из Нового Света в Испанию было переправлено столько золота и серебра, что в конце столетия запас этих металлов превысил уровень 1492 года в пять раз. Страна практически перестала производить что-либо сама: пять шестых всего объема грузов, отправлявшихся из Испании

в ее американские колонии, — это товары иностранного происхождения. Почти весь золотой запас тратился на покупку во Франции предметов роскоши. Франция как их производитель поднимается именно за счет испанского спроса (и сохраняет это место в мировом разделении труда по сей день). Что касается испанцев, то после 1610 года резко идет на убыль золотой, а после 1630-го и серебряный поток. Страна теряет и господство на море — оно переходит к голландцам, а затем к англичанам. В экономическом отношении Испания оказывается европейским аутсайдером.

Жизнь героини повести Гоголя “Старосветские помещики” (1835) помещицы Пульхерии Ивановны состоит “в беспрестанном отпирании и запираии кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений”. “Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем. Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки... Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор...” Почти все необходимое производится внутри имения, на базар помещики ездят крайне редко. Это описание натурального хозяйства — и отсталости экономики Российской империи в первой трети XIX века, заданной крепостным правом.

А помните, как начинается “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда” (1886) Роберта Льюиса Стивенсона? Некий мужчина сшиб на улице девочку лет девяти, хладнокровно наступил на нее, упавшую, и даже не обернулся на ее громкие стоны. Разъяренная толпа “выбила” из “самого Са-

таны” 100 фунтов¹. Он дошел до какого-то дома, вынес 10 гиней² и чек на “банк Кутса”³, выданный на предъявителя и подписанный известными именем, на остальную сумму. Все это происходит в четыре утра. Тут же возникло подозрение, что чек — фальшивка и нужен, чтобы скрыться, пока банки закрыты, но виновник происшествия — а это был, разумеется, мистер Хайд — предложил дожидаться утра и лично обналичить чек. К удивлению рассказчика, свидетеля происшествия, чек оказался самым настоящим. Чек на предъявителя здесь не случаен, ведь Хайд скрывает свою личность (у него даже фамилия говорящая: от английского hide — скрывать). Чуть позднее, будучи в Англии, чеками воспользуется граф Дракула в “Дракуле” (1897) Брема Стокера. Стокер и Стивенсон рассказывают нам, что в последней трети XIX века англичане обзавелись чековыми книжками: это удобно и им, и банкам⁴.

Если поглубже вникнуть в цифры, приводимые Томасом Манном в “Будденброках” (1896–1900), то можно подсчитать среднюю доходность капитала семейной фирмы Будденброков, которая с учетом потерь в отдельные годы окажется не так уж велика даже в лучшие времена. Это заставит задуматься, так ли уж неправ второй муж Тони Будденброк — господин Перманедер, который, женившись на Тони, изъясил свой капитал из мюнхенской пивоварни и вложил в арендную недвижимость (доходность которой тоже можно подсчитать). А ведь тот факт,

1 11 800 фунтов на нынешние деньги.

2 Гиней была чуть дороже фунта.

3 Респектабельный банк, услугами которого пользовалась сама королева.

4 Подробно экономическое содержание романов Стивенсона и Стокера — правда, с фрейдистских позиций — разбирается в книге: HOUSTON G. *From Dickens to Dracula*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Кстати, Гейл Хьюстон считает, что “Дракула” — морализаторский (это слово мое. — Прим. Е. Ч.) экономический роман. В нем показано, как умный Дракула, который понял, что деньги в виде золота, если они лежат мертвым грузом в подвале замка, а не участвуют в обороте, ничего не производят, подался в Англию, где можно было активно участвовать в экономической жизни. Чем Дракула и занялся, скупая дома. В этом смысле роман Стокера можно отнести к тому же типу книг, что и “Удивительный волшебник из страны Оз”.

что Перманедер не деятелен и предпочитает жизнь рантье, — одна из претензий Тони к мужу, которые и вынуждают ее с ним расстаться. Дело, кажется, не в процентах. Быть предпринимателем — престижно и модно, это вызывает уважение, а лежать на боку (в романе — пропадать в пивном заведении каждый вечер) и снимать сливки с капитала, ничего не делая, — нет.

Разумеется, ни Сервантес, ни Стивенсон, ни Чехов не задумывались об “экономическом содержании” своих произведений — для них оно было неотъемлемой частью, одним из слоев той жизни, о которой они писали в своих романах, рассказах, пьесах.

Читатели иногда морщатся, встречая в великих книгах рассуждения о ставках по кредиту, облигациях или долговых расписках, которые так контрастируют с тонкими лирическими зарисовками или описаниями душевных переживаний героя, спешащего с топором под пальто на свидание со старухой-процентщицей.

Но я убеждена, что внимание к этим деталям не только углубляет наше понимание образов Растиньяка или Раскольникова, но и делает по-настоящему полноценным эстетическое наслаждение, которое мы получаем от погружения в многослойный мир литературы.

Напоследок скажу, что я собирала для этой книги материал много лет. Составление одного только списка художественных произведений — огромная работа. Какие-то тексты очевидны, какие-то подсказали филологи, на что-то указали в своих работах те западные ученые, кто занимается новым научным направлением: экономической критикой художественных текстов — довольно много отсылок к художественной литературе попались мне и в сугубо экономических работах. Эта

книга — моя третья попытка высказаться на тему экономического содержания художественных произведений. Первой была “История капитала от «Синдбада-морехода» до «Вишневого сада». Экономический путеводитель по мировой литературе”, вышедшая в 2011 году. Затем главы этой книги превратились в серию статей в журнале “Коммерсантъ-Деньги”. Новая версия книги объединяет все лучшее из предыдущей книги и статей. И она существенно объемнее: добавились как новые художественные тексты, так и новые экономические комментарии. Насколько мне известно, на сегодняшний день моя книга охватывает самый широкий круг литературных источников по сравнению с книгами подобного жанра. Но я нескромно надеюсь, что читатель оценит ее не только за это.